

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 5, Pp. 1251–1264, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 391(=512.157=1.571.56)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1251-1264

Визуализация представлений о душе в украшениях национальных костюмов саха (якутов) и тувинцев

Саргылана Валентиновна Никифорова¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет (д. 42, ул. Кулаковского, 677018 Якутск, Российская Федерация)

кандидат культурологии, доцент

 0000-0002-4875-1757. E-mail: [nsv2107\[at\]mail.ru](mailto:nsv2107[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Никифорова С. В., 2023

Аннотация. *Введение.* Культурное наследие саха (якутов) и тувинцев обнаруживает сходство базовых мировоззренческих представлений об устройстве Вселенной, многоярусности каждого из трех миров, о пантеоне божеств и др. *Целью* работы является реконструкция семантики национальных украшений как визуального нарратива, транслирующего представления о душе человека в традиционной культуре якутов и тувинцев, для чего потребовалось обобщить описания этих представлений по этнографическим материалам, выявить подтверждения, что украшения выполняли функцию маркера души, рассмотреть семантику знаков украшений традиционного костюма. *Гипотеза* исследования. Применительно к визуализации знаний о душе мы исходили из положения, что, если в фольклорных источниках имеются повторяемые указания на расположение одной из трех душ (аорта, кровь, пояс и т. д.), то относительно двух других тоже должны быть подобные представления об их размещении. *Методы.* В рамках междисциплинарного и сравнительно-исторического подходов, с учетом динамики религиозных, эстетических взглядов, использованы компаративный, структурно-функциональный, интерпретационный и аксиологический методы. Использован также метод мозаичной реконструкции символики украшений. *Результаты.* Подтверждено, что украшения выступают как способ визуализации ценностных представлений о картине мира, расположении души человека, статусе их владельца и поведенческих нормах. Они определены как знаки самой большой идентичности обитателя среднего мира, выполняющие функцию маркера и оберега каждой из трех душ человека, а также — медиатора между сакральным и профанным мирами, триггера в обрядовой коммуникации и указателя социального статуса владельца. *Выводы.* Универсальной формой круга (серебряный диск, бусина, узел бесконечности, пуговица) обозначены локализация и функция каждой души: воздушная у якутов, средняя душа у тувинцев помещаются в голове, обозначены головными украшениями. Материнская душа у якутов локализована в области средостения (пульс, кровь — сердце, печень), первая душа у тувинцев — в области пупа. У якуток фертильного возраста эта душа обозначена солярным знаком нагрудного украшения. В тувинском костюме символический аналог нами не обнаружен. Третья душа, земная, у якутов обозначена пряжкой пояса, она

обитает в пупе; хорошая, по представлениям тувинцев, душа обитает в поясе. Якуты сохранили более архаический вариант корпуса символов. Различия определяются поздним влиянием маньчжуро-китайской культуры, буддизма на мировоззрение южных тувинцев.

Ключевые слова: мифологические воззрения, трехчастное строение мира, три души человека, семиотический статус, культурные универсалии, символика украшений, женский текст культуры, маркер, коды культуры, идентификация

Для цитирования: Никифорова С. В. Визуализация представлений о душе в украшениях национальных костюмов саха (якутов) и тувинцев // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 5. С. 1251–1264. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1251-1264

Adornments to Traditional Sakha (Yakut) and Tuvan Costumes: Visualizing Ideas of Soul

Sargylana V. Nikiforova¹

¹ North-Eastern Federal University (42, Kulakovskiy St., 677018 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (Culturology), Associate Professor

 0000-0002-4875-1757. E-mail: nsv2107[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Nikiforova S. V., 2023

Abstract. *Introduction.* The cultural heritages of the Sakha (Yakut) and the Tuvan are distinguished by a similarity of basic worldview ideas pertaining to the structure of the Universe, multi-storeyedness of each of the Three Worlds, the pantheon of deities, etc. *Goals.* The article aims to interpret semantics of ethnic jewelry as a visual narrative articulating the ideas of individual soul in traditional Sakha and Tuvan cultures. To facilitate this, the paper shall summarize the available descriptions of these ideas from ethnographic material, identify some facts confirming jewelry used to serve as markers of soul, consider semantics of traditional jewelry signs. The study hypothesizes as follows: when it comes to soul visualizations, folklore sources manifest repeated indications localizing one of the three souls (aorta, blood, belt, etc.) — hence, the other two must also have some certain locations and related beliefs, too. *Methods.* With due regard of the dynamics in religious and aesthetic preferences, the employed interdisciplinary and comparative historical approaches comprise the structural/functional, interpretative, and axiological methods. The method of mosaic reconstruction proves as instrumental in revealing jewelry symbolism. *Results.* The paper confirms adornments (jewelry pieces) act as means to visualize some valuable worldviews, ideas of human soul and its whereabouts, prestige and behavioral norms. The former are defined as utmost identity signs for an inhabitant of the Middle World that serve as markers and protective amulets for each of the three human souls, also viewed as mediators between the sacred and profane worlds, triggers in ritual communication, and social status indicators. *Conclusions.* Being a universal form, circle (silver disk, bead, infinity knot, and button) denotes the place and function of each soul. For instance, the air one of the Sakha and the middle one of the Tuvan are placed in the head and identified with head adornments (jewelry pieces). According to Sakha beliefs, the maternal soul is localized in the mediastinum (pulse and blood — heart and liver), while Tuvans place soul one into the navel. Yakut women of fertile age tend to mark this soul with solar breast jewelry, with no identified symbolic parallels in the Tuvan costume. Yakuts believe the third earthly soul be indicated with a belt buckle and dwell in the navel, while the Tuvan tradition says the good soul dwells in the belt. So, the Yakut have retained somewhat more archaic version of the symbolic corpus. And the differences are largely determined by the late influence of Manchu-Chinese culture and Buddhism on worldviews of southern Tuvans.

Keywords: mythological beliefs, three-part world structure, three human souls, semiotic status, cultural universals, symbolism of jewelry, female cultural text, marker, cultural codes, identification

For citation: Nikiforova S. V. Adornments to Traditional Sakha (Yakut) and Tuvan Costumes: Visualizing Ideas of Soul. *Oriental Studies*. 2023; 16(5): 1251–1264. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1251-1264

1. Введение

Трансформации визуального текста культуры (в частности украшений костюма) наиболее наглядны и сопровождаются сменой или утратой значений, что меняет связи внутри всей системы. В настоящей статье выбор тувинского и якутского костюмов для исследования обусловлен тем, что, помимо языкового родства двух народов, привлекает внимание сходство базовых мировоззренческих представлений об устройстве Вселенной, о многоярусности каждого из трех миров, а также сходства или наличия общих черт в пантеоне божеств. Кроме того, отмечено наличие в ранних этнографических источниках прямых указаний на количество и функции каждой из трех душ человека в культурах тувинцев и якутов. Отмечаемое повсеместно размывание идентичности активизирует поиск имеющихся в культуре средств идентификации. Предлагаемая интерпретация семантики украшений костюма, как инструмента коллективной памяти культуры, отчасти может способствовать трансляции и актуализации наследия.

2. Историография

Национальный костюм представляет концентрацию всех способов мироустройства в опыте каждого народа. Его описания встречаются при первых упоминаниях о культуре. меховая верхняя одежда и серебряные украшения якутов служили для уплаты ясака и фрагментарно описаны казачками с 1630-х гг. [Материалы по истории 1970]. Подробные записи встречаются в трудах путешественников, чиновников и политссыльных: Я. И. Линденау [Линденау 1983], И. Г. Георги [Георги 1776], Н. С. Щукина [Щукин 1844], Р. К. Маака [Маак 1994], А. Ф. Миддендорфа [Миддендорф 1869]; В. Л. Серошевского [Серошевский 1993] и др. Одно из первых специальных исследований — монография Р. С. Гаврильевой [Гаврильева 1998]; системно по реконструкции и семиотике костюма с 1990-х гг. работает автор ряда книг С. И. Петрова [Петрова 1999; Петрова 2006; Петрова, Заболоцкая 2013], украшения исследовали Ф. М. Зыков [Зыков 1976], А. И. Саввинов [Саввинов 2001], С. В. Никифорова [Никифорова 2010], а также А. Н. Прокопьева и К. Д. Яковлева [Прокопьева, Яковлева 2021] и др.

О национальном костюме тувинцев среди других писали Г. Н. Потанин [Потанин 1867], Н. Ф. Катанов [Катанов 2011], а также А. В. Анохин [Анохин 1994], Е. Д. Прокофьева [Прокофьева 2011] и др. Детально костюм рассматривала В. П. Дьяконова [Дьяконова 1960], ею изучены якутские гривны [Дьяконова 1958]; С. И. Вайнштейн определил технологии и способы декорирования костюма [Вайнштейн 1974].

В работе Л. П. Потапова обобщены материалы экспедиции 1957–1966 гг. [Потапов 1969]. Съёмные украшения по материалам фондов Российского этнографического музея и Музея антропологии и этнографии описывает Е. А. Михайлова [Михайлова 2006]. Весомый вклад в изучение этнографических собраний внесла А. О. Дыртык-оол [Дыртык-оол 2014], систематизировавшая коллекции из фондов музеев республики, России и Монголии.

М. О. Сиянбиль и А. А. Сиянбиль анализируют возрастную градацию и символику костюма [Сиянбиль, Сиянбиль 2000], в этом ряду работы и Р. Б. Ховалыг [Ховалыг 2018; Ховалыг 2020; Ховалыг 2022]. Знаково-символическую природу, современное состояние семиозиса украшений исследуют Ш. Б. Майны, М. С. Кухта, Ч. Х. Монгуш [Кухта, Майны, Монгуш 2017; Майны, Кухта 2019; Майны, Кухта 2020; Майны, Сат 2022] и др.

Цель исследования — реконструировать семантику национальных украшений как визуальный нарратив, который транслирует представления о душе человека в традиционных культурах саха (якутов) и тувинцев.

3. Материалы и методы

Рассмотрены нашивные и съёмные украшения: головные уборы якутов и тувинцев; якутское нагрудное украшение; наборные ремни якутов и тканые пояса тувинцев (из фондов Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва и Якутского музея им. Ем. Ярославского), а также фольклорные и этнографические тексты.

В рамках междисциплинарного и сравнительно-исторического подходов, с учетом динамики религиозных и эстетических взглядов, использованы компаративный, структурно-функциональный, интерпретационный

и аксиологический методы. В случае утраты отдельных значений использовался семиотический анализ нарративного уровня, позволивший дополнить знания о тех символах, которые поддаются расшифровке и отмечены в имеющейся научной литературе.

Применительно к визуализации представлений о душе мы исходим из положения, что если в фольклорных и этнографических источниках имеются повторяемые указания на расположение одной из трех душ (например, в поясе), то в отношении двух других тоже должны быть подобные представления.

4. Три мира и три души в представлениях тувинцев и якутов

Символически тело выстраивается по аналогии с вертикалью мира: голова — верхний мир, торс — средний мир, ниже пояса — нижний мир. Миры визуализированы в костюме соответствующим образом, ибо «традиционное сознание соблюдало универсальный характер корреспонденций между создаваемой вещью, строением человеческого тела и представлениями о структуре Вселенной» [Байбурин 1993: 221].

Трехчастное строение мира зафиксировано в типичной композиции изображений на оленных камнях Тувы, Забайкалья и Монголии. Их расположение «вынуждает» сопоставлять способы изображения скифских и древнетюркских представлений о строении мира, которые экстраполируются на представления о душе человека. В археологических описаниях знаки на оленных камнях — за исключением образов животных — интерпретируются в терминологии украшений: круги-серьги, ожерелья, гривны-пекторали, бусы, пояс, опоясок, пряжки [Килуновская, Фролов 2020: 126–127].

Стоит выделить значение солярного знака — круг с точкой в центре в обеих культурах. Применительно к костюму бусина, диск или вышитый узел счастья — это аккордная точка, стягивающая различные семантические поля, как знак порядка, фиксации, аккумуляции.

Категорию «душа» изобретают все культуры без исключения. «Вокруг нее сконцентрированы все обряды и ритуалы: „душа“ является главной ценностью в символических обменах между мирами; именно „душу“ просят у неба, а потом пристально следят за ее состоянием в течение всей жизни человека.

После смерти „душу“ провожают в нижний мир» [Львова и др. 1989: 53].

По мифологическим воззрениям якутов человек обладает тремя душами: *буор кут* — земная душа; *ийе кут* — материнская душа; *салгын кут* — воздушная душа [Пекарский 1958: 1261–1262]. В момент зачатия встречаются космос, т. е. творящая энергия неба от отца (*салгын кут*), и хаос, порождающая и хранящая энергия земли (*буор кут*). В муках рождения, в синтезе творится отдельная материнская душа (*ийе кут*). В культуре тувинцев имеются традиционные представления, согласно которым человек также имеет три души. В. П. Дьяконова подробно описала представления о душе потомков урянхайцев, южных нарынских тувинцев, живущих на границе с Монголией: «1) муу-сунус — плохая душа, 2) дунд-сунус — средняя душа и 3) сайн-сунус — хорошая душа» [Дьяконова 1975: 88], визуализацию их представлений мы предлагаем в данной работе.

Центральные тувинцы для обозначения души используют другие названия: *сунезин*, *сус*, *сузу* или «кол сунезин — главная душа (кол = муу-сунус?), бора сунезин — серая душа» [Кенин-Лопсан 1987: 28]. Отметим, что якуты различают *кут* (души) по материалу, из которого они созданы: воздух (гармония, разум) и земля (природа, мощь); третья, материнская, синтезирует гармонию космоса и энергию хаоса, преобразуя божественное и природное в человеческое. У тувинцев дифференциация душ по качественным характеристикам: плохая, средняя и хорошая, — возможно, это влияние буддизма.

Сунус, *сюнэ*, *сюн*, *сунезин*, *сюрен*, *сюрь* (*сүр*), *тын*, *кут* — данной терминологией обозначается душа, свойственная человеку, живущая посмертно. *Сюне* посылалась человеку небом. Если ее похитил злой дух, то человек лишается памяти и сознания, если при камлании не удастся скоро вернуть, то *тын* (животная душа) прерывается. После смерти *сунус* провожалась шаманом в страну предков, откуда могла быть вызвана только им же [Дьяконова 1975: 45–48].

В словаре «душа» трактуется как «сүлдэ ... сүнезин» — жизненная сила, душа; судьба, рок, духовная мощь, дух; сущность, истинный смысл чего-либо [Этимологический словарь 2018: 152–153].

В языке якутов есть слово *сун* 'очень

большой, огромный, достойный уважения', а слово *сүүнэ* означает 'огромный, большой, незаурядный, выдающийся', снабжено пометой составителя: «Ср. алт., куманд. *сүне*, хакас. *сүнэ* душа человека, выходящая в момент смерти и остающаяся некоторое время около умершего в виде ветра, воздуха, пара» [Большой толковый 2012: 250, 324].

«Первая душа *муу-сунус* — физическая жизненная сила или элемент, подобный тын (дыхание) ... с указанием, что она в человеке „прикреплена“ к жиле (аорте) кол. Когда кол „разрывается“, то прекращается и ёмь (дыхание)» [Дьяконова 1975: 89–90], что выражается в тезисе: «дыхание и кровь — основные символы (вместилища) души» [Новик 2019: 136]. Вероятно, первая душа располагается в области пупа. «Вторая душа *дунд-сунус* подвижна, может во сне с дыханием через ноздри покидать тело человека и возвращаться вновь; — мы предполагаем, что при жизни она локализуется в голове и обозначается на головных уборах (чинзе, нить судьбы и т. п.). Третья душа *сайн-сунус* предохраняет человека от бед, она оберегает, охраняет его, но это „наружная“ или „внешняя“ душа, обитает в поясе (кур), которым подпоясывают одежду» [Дьяконова 1975: 88].

В тувинском языке «кут[уъ] миф. душа, животворящая сила; жизненная сила [человека, животного, растения], дух, душа: зародыш, эмбрион; оберег, амулет» [Этимологический словарь 2004: 321–324]. Тувинцы считают, что ульгени дают кут (зародыш) на душу ребенка, кут на скот <...> После смерти человека, по одним сведениям, «(душа) возвращается к божеству, по воле которого была послана для земной жизни (Ульгению); по другим: Эрлик берет душу покойного, уводит в подземный мир, судит, иногда отправляет на землю, заставляя творить зло» [Потапов 1991: 250–257]. Моральные оценочные суждения по отношению к божествам ранних верований принято считать влиянием последующих религий. В Словаре якутского языка кут переведена как «жизненная сила, душа. <...> сущность вещи; жизненность (= кут *сүр*) дух, жизнь (тын, *сүр*)» [Пекарский 1958: 1261–1262].

Н. А. Алексеев, исследуя традиционные религиозные верования якутов, отмечает: «первая душа человека — салгын кут способна странствовать во время сна и, если попадала в руки злых духов, человек заболел. Вто-

рая душа — буор кут (земная) ходила вокруг человека, далеко не отходя. Если злые духи ловили ее, то человек хворал и мог умереть. Третья — ийе кут (материнская) считалась подлинной душой, не выходила из тела, злые духи не могли поймать ее. Она покидала тело человека только, когда те терзали салгын и буор кут. Последние ... воспринимались как антропоморфные <...> Из трех душ человека невидимой считалась только она» [Алексеев 2008: 119].

В ряде других источников кут представлялись как зооморфные, орнитоморфные или в виде насекомого [Ксенофонтов 1992: 61, 202]. Якуты считали, что буор кут рассыпается прахом, рассеивается, и эти частицы потом находят и соединяют в одно целое шаманы [Пекарский 1958: 1261–1262]. Далее Н. А. Алексеев отмечает, что «создателем кут ... считался Юрюнг Айыы тойон (глава духов айыы), а распорядителем — богиня Айыысыт, она вселяла души детей в женщин» [Алексеев 2008: 119]. Получается, что кут смертны: их можно похитить, мучить, они могут менять характер, но, помимо души кут, у человека была душа сюр, которая бессмертна [Алексеев 2008: 118–121; Пекарский 1958: 1261–1263].

Итак, помимо языкового родства, привлекает внимание сходство базовых мировоззренческих представлений о душах у якутов и тувинцев. Кроме того, стоит отметить присутствие в фольклорных текстах и ранних этнографических источниках [Пекарский 1958: 1261–1262; Серошевский 1993: 643; Анохин 1994: 19–24; Потапов 1969: 347] прямых указаний на количество и функциональные особенности каждой из трех душ человека в обеих культурах.

5. Украшения головных уборов как знаки души

Невеста у тувинцев «на время свадьбы надевала специальный головной убор *тумалай* (*думаалай*), представляющий большое прямоугольное полотнище (1 x 1,5 м). <...> На лобную часть пришивали треугольную вставку. Этот треугольник украшали вышивкой, бусами, пуговицами» [Потапов 1969: 225]. В работе по символике тувинского костюма называется «старинная головная накидка невесты „баштангы“, с вышитой по шелку „нитью счастья“» [Сиянбил, Сиянбил 2000: 56]; попутно отметим наличие в культуре саха съемного головного украшения *бастынга*,

представляющего кожаный обруч с серебряными набойками и подвесками и солярным знаком туосахта на лбу. Еще уточнение: по правилам ношения думаалай поверх него «накидывали второй свадебный головной убор — баштангы» [Ховалыг 2020: 46]. *Баштангы* под созвучным названием *нашь тангы* детально описана Е. Д. Прокофьевой [Прокофьева 2011: 322–323].

Вышивка, бусина, пуговица на головной накидке невесты выполняли функцию символа указателя и защиты средней души, служили знаком обитателя среднего мира. Они внешне схожи с *чинзе* (нашивным на вершием шапки), который изготавливался из следующих материалов (по нисходящей, от высших чинов — к низшим): рубин – коралл – жемчуг – горный хрусталь – золотой – серебряный шарик – медная пуговица – шишка из красной ткани или нити [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 37–40]. Но *чинзе* являлся знаком чиновничьей иерархии.

По представлениям нарынских тувинцев, местом обитания души считалась голова [Кухта, Майны, Монгуш 2017: 93]. Мы предполагаем, что голова может быть местом пребывания средней души — дунд-сунус, которая «находится в каком-то из органов человека (назвать этот орган не смогли) и после смерти его отправляется вместе с сайн-сунус к Эрлик Ловун-хану» [Дьяконова 1975: 88].

Локализация дунд-сунус в голове и обозначение круглыми нашивными украшениями головных уборов тувинцев сопоставимы с украшениями шапок саха серебряным диском — *туосахта*. Ранее мы рассматривали семантику солярного знака на шапках и головных украшениях якутов [Никифорова 2010: 69] и пришли к выводу, что *туосахта* на *дыбака* (ритуальной шапке) — это знак *салгын кут*.

В предании о шамане Хагыстаайы, свидетеля противостояния сына Улуу Тойона и шамана, умевшего превращаться в осу, записано, что сын Улуу Тойона из озорства похитил душу единственной дочери шамана, заключенную в украшении, спрятал в своей ноздре, но шаман, превратившись в осу, укусил его, тот чихнул, и с сиянием выпала на пол серебряная бляха от женской меховой шапки, *туосахта*; оса схватила ее и улетела [Ксенофонтов 1992: 202–203] —

шаман выиграл схватку за душу, что означало выздоровление дочери.

Головной убор как часть костюма, приближенная к небесам, в обряде служит медиатором между верхним и средним мирами, поэтому строго регламентируются материал, форма изготовления, правила ношения и хранения. Во всех культурах небрежность в отношении к головному убору, утрата его чреваты последствиями, вплоть до фатальных. Особенно строги ограничения в обряде. Манипуляции с украшениями, головными уборами и поясом подлежат четким прескрипциям: максимальное их включение на свадьбе, полное исключение по смерти — у якутов украшения как феномен культуры, блокирующий контакт с нижним миром, исключались в болезни и агонии [Бравина 2005: 184], частично — при родах. В повседневности головной убор в культурах номадов не одалживался, не обменивался, не клался на стол, не хранился ниже уровня пояса, постоянно подновлялся и только как жест беспросветного отчаяния (признание бесчестия) мог быть брошен на землю.

Еще более суровы требования в женском тексте культуры. Регламентировалось все: количество кос, цвет и качество ткани для ленты, украшения, платки, шапки, особенно для женщины фертильного возраста. У тувинцев на свадьбу надевался *тумалай*, один из немногих предметов головного убора, который мог одалживаться. «Без тумалай невесте нельзя было ехать в аал к жениху» [Потапов 1969: 239–251]; оно же «свадебное покрывало (широкое четырехугольное полотнище с отверстиями для глаз), которым молодая... прикрывала в первые дни лицо от старших родственников мужа» [Тенишев 1968: 183].

В культуре якутов молодая закрывала лицо покрывалом *аннах* (ровдуга с аппликацией сукном, бисером и металлом). П. А. Слепцов указывает на сословные различия: «богатые невесты закрывали лицо собольями, бедные — лоскутом кобыльей шкуры. Это служило магическим приемом защиты от злых духов и сглаза» [Слепцов 1989: 40]. Аналог современной фаты изначально являлся защитным средством в обряде избегания, предупреждающем снохачество.

Вышеизложенное позволяет резюмировать, что солярные знаки на головных уборах служили маркером, идентифицирующим обитателя среднего мира. Знаки в форме круга, точки, узла (серебряный диск, бусина,

пуговица, красная плетеная шишечка, вышитый «узел судьбы») на этапе шаманистских представлений могли обозначать место пребывания и защиту (щит) одной из трех душ человека: у якутов — *салгын кут*, у тувинцев — *дунд-сунус*, которые обе культуры помещали в голове.

6. Знак души в нагрудных украшениях как триггер коммуникации

Украшения рассматриваются как способ визуального моделирования образа мира, равно как и знаки культурной идентичности этноса, которые являются формой, регламентирующей поведенческие установки по отношению к свободной или просватанной девице, жене, матери, вдове, т. е. служат универсальным триггером в акциональном коде устойчивой коммуникации. Они составляют ткань женского текста культуры, являясь показателем социального статуса.

Исследователи подчеркивают очистительную и охранительную функции металла: тувинцы «с давних пор знали полезные свойства серебра. Украшения носили как обереги, считая, что серебро имеет сакральное значение (не подпускает плохое к владельцу)» [Майны, Сат 2022: 27]; якуты выделяли сакрально-магическую силу серебряных украшений, их лечебные свойства [Саввинов 2001: 105]. А. К. Байбурин относит их «к числу предметов с постоянно высоким семиотическим статусом, по сути, это не „вещи“, а знаки, так как их „вещность“, утилитарность стремится к нулю, в то время как „знаковость“ выражена максимально» [Байбурин 1989: 73].

Нагрудное украшение якутов *илин кэ-бисэр* — ленточная композиция из рядов цепочек, S-образной формы ажурных звеньев, которая закрепляется металлическими гравированными заклепками или ровдужными завязками к гривне, «образуя щит на груди женщины. Градация по статусу: вариант девицы — символически менее загружен, это не „паспорт“, а программа судьбы, ... благопожелание на выполнение женского предназначения» [Никифорова 2010: 60].

В украшениях преобладали геометрический и растительный орнаменты: «элементарные ... символы обладают большей культурно-смысловой емкостью, <...> простые символы образуют символическое ядро культуры» [Лотман 2000: 242]. В по-

желаниях на процветание рода включение вегетативного (трава, побежки, листья, цветы, сено, крупа и т. п.), хроматического и пушного (количество ворсинок и цвет) кодов считается культурной универсалией.

Якутские ювелиры в качестве базового элемента фурнитуры использовали сдвоенную S-образную спираль, образующую лиру: «„бегущая спираль“ <...> „лира“, узор из двух, соприкасающихся, зеркально расположенных асимметричных спиралей» [Павлинская 2014: 217]. Вариант нагрудного украшения рожавшей женщины утяжелен по центру крупной пластиной *кун* (солнце). Функция солярного знака на уровне груди — служить указателем и защитой для *ийэ кут*.

Пример украшения-трансформера не единичный в костюме якутов, ранее мы указывали на сборно-разборный характер конструкции украшения, в котором выразилась специфика сознания кочевников-скотоводов [Никифорова 2010: 119].

В тувинском костюме «женский эдектиг тон в качестве оберега и защиты семьи <...> декоративный элемент оорук (богаа. — Р. Х.) — широкая кайма из черного бархата, красного шелка и золотой парчи» [Ховалыг 2022: 1299]. В *эдектиг тон* замужней женщины верхняя часть символизирует материнство и «защиту <...> святого материнского молока» [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 34].

Если в одних культурах принято максимально украшать девицу на выданье, то в традиционных культурах тувинцев и якутов пик украшения приходится на замужнюю женщину фертильного возраста: мать, хозяйку дома. «Наибольшей полнотой, строгой обусловленностью ... отличался женский набор украшений. Украшения молодой женщины у народов Южной Сибири в течение детородного периода были особенно изысканны, многочисленны, отличались сложным исполнением» [Михайлова 2006: 101].

Женский текст культуры якутов детально артикулируется для данной возрастной группы: также суровы прескрипции по акциональному коду. С одной стороны, в культуре наличествует большое количество табу, предполагающих заведомую греховность и нечистоту; с другой — женщина воспринимается как хранительница очага и мать семейства, наделяемая святостью. В детородном возрасте ее здоровье и жизнь наиболее уязвимы: высока была смертность во время беременности, при

родах и после. Серебряным украшениям здесь отводилась немаловажная роль: они «обладали особыми свойствами, способными предохранять, защищать, тем самым могли влиять на судьбу человека» [Саввинов 2001: 122].

Также одинаково якуты и тувинцы регулировали набор украшений для вдовы и состарившейся жены, он «значительно упрощался и сводился к минимуму, приближаясь к детскому („бесполому“) варианту» [Михайлова 2006: 73, 101–102]. Отметим, что украшение как маркер смены статуса также является культурной универсалией.

Итак, второй *кун* (солярный знак) нагрудного украшения якутов является знаком и щитом *ийе кут* (материнской души). Нагрудные украшения якутов, кроме обозначения *ийе кут*, служат упорядочению коммуникативных практик в обряде и повседневности, т. е. декларируют ожидаемые нормы публичного поведения, указывают на социальный статус владелицы.

По представлениям тувинцев, первая душа *муу-сунус* (плохая) прикреплена к аорте, связана с дыханием, можно было бы предположить, что располагается в области груди или пупа, но определить ее обозначение в костюме мы не смогли. Тувинцы локализацию *муу сунус* или *кол сунезин* (главная) предполагали в пупе, а пуповину, как и якуты, хранили всю жизнь.

7. Пояс как знак души и механизм инкультурации

Наборные пояса являются хронологическим индикатором и показателем социального статуса. Археологи считают, что широкий как более архаичный тип пояса возникает в культуре ранних кочевников. Узкие наборные пояса с профилированными накладными бляшками, являющимися характерными элементами древнетюркской культуры, относят к VII–VIII вв. [Павлинская 2006: 305; Чугунов 2016: 351–352; Добжанский 1990: 30; и др.].

В работе «Символика женских украшений...» было отмечено, что «пояс маркирует границу между сакральным верхом и материально-телесным низом, с которым связывается идея плодородия и сексуальной силы. Функция пояса в ритуале — включение человека в пространство культуры. Ритуалы завязывания / развязывания поясов интерпретируются как символическое размыкание и замыкание границ сакрального пространства;

начало и конец коммуникации. Пояс символизирует мужскую силу, у девушек — невинность, у матерей семейства — упорядоченность сексуальных связей, у мальчиков — инициацию, включение в мир людей» [Никифорова 2010: 60–61]. У якутов «существовали и детские наборные пояса, которые, как можно предположить, надевались на мальчика, когда он впервые самостоятельно садился в седло» [Павлинская 2006: 306], подпоясался — готов предстать перед обществом равноправным членом.

Пряжки на поясе, по информации якутского народного мастера Б. Неустроева-Мандар Уус, в старину изготавливались в форме *кун* (солнце), что должно было служить указателем и оберегом в области пупа, месте обитания *буор кут* (земной души). Парадный пояс *кур* служил знаком статуса. «В женских погребениях обнаруживаются узкие кожаные пояса с 6–10 ажурными медными бляхами» [Гоголев 1993: 109]. Археологические данные свидетельствуют, что не было деления на мужские (узкие) и женские (широкие) кожаные пояса — эта тенденция наблюдается в современном национальном костюме саха. По гендерному признаку могли различаться орнаментация на пластинах и пряжках как ранее в тувинских, так и в якутских парадных поясах.

«До середины XIX в. тувинцы укрепляли на мужских кожаных поясах серебряные или медные прямоугольные, овальные или круглые бляхи <...> в конце XVIII в. наборные пояса были, вероятно, довольно широко распространены» [Вайнштейн 1974: 94]. Исходя из роли, которую выполняли кожаные ремни (*кур*) в костюме, «правильнее называть их воинскими парадными поясами» [Чугунов 2016: 336], что позволяет предположительно рассматривать их как хроноиндикаторы эпохи ранних кочевников. Известно, что до начала XX в. тувинцы вместо кушака подпоясывались ремнем, украшенным серебряными или медными бляхами [Потапов 1969: 215; Вайнштейн 1991: 178].

В тувинской культуре применительно к тканым поясам различие по гендерному признаку определялось хроматическим кодом культуры. Мужской пояс изготавливался из ткани синего и голубого цветов, женский — из красной. Особо нарядным считается пояс из шелковой ткани. «У юго-восточных тувинцев пояса надевали мальчикам с трехлетнего

возраста. С появлением пояса сайн-сунус (хорошая душа) „поселяется“ в нем и неотлучно обитает там до смерти человека. Потому его нельзя никому ни дарить, ни продавать» [Дьяконова 1975: 88]. О том, что пояс в тувинской культуре служил не только прагматическим целям, но выполнял и апотропеические функции, говорит то, что к нему «подвешивались амулеты, а у детей медные бубенчики» [Потапов 1969: 216]. И еще одна функция пояса: он замыкает границу между сакральным верхом и профанным низом. Вообще границы между телом и миром (края одежды) обязательно символически обозначались. В якутском вестиментарном коде — меховой оторочкой или бисерной вышивкой, в тувинском — хашем, цветным кантом по краю одежды. Подпоясывание буквально завершает процесс включения в культуру.

Таким образом, по представлениям тувинцев, *сайн-сунус* (хорошая душа) пребывает в поясе; у якутов поясная пряжка круглой формы служит знаком и защитой *буор кут* (земной души). Место пояса в структуре костюма подчеркивает его статус в коммуникации. Он осознается как предмет, связанный с акциональным кодом культуры: распоясался — преступил общественные нормы, подпоясался — зафиксировал границы культурной коммуникации.

8. Заключение

Поскольку украшения с усложнением общества становятся знаками престижа, они чаще подвержены изменениям, а в силу своей дороговизны лучше сохраняются. В вертикали костюма якутов три знака солнца визуализируют представления о трехчастном мире и защищают место локализации каждой из трех душ в теле человека. Верхний мир обозначен серебряным диском на головном украшении или на вершии шапки. Функцией солярного знака на головных уборах является указание на локализацию и защиту воздушной души, одновременно он выполняет роль медиатора, транслятора и маркера, знака принадлежности к среднему миру. Средний мир обозначен вторым солярным знаком нагрудного

украшения — защиты материнской души. И, наконец, нижний мир ограничен знаком на поясной металлической пряжке, защищает земную душу. По представлениям тувинцев первая душа (плохая) прикреплена к аорте и связана с дыханием, определить ее символическое обозначение в костюме и украшениях не удалось. В источниках голова предположительно рассматривается какместилище средней души, которая выделена знаками на головном уборе (навершие шапки, нить счастья, бусина); в большинстве текстов прямо указана локализация хорошей души в поясе.

Якуты различают души по материалу, из которого они созданы. Первая, *салгын кут*, — из воздуха (символ гармонии, разума, небесного, божественного); вторая, *буор кут*, — из земли (символизирует мощь природы); третья, *ийе кут*, — материнская, синтезирует гармонию космоса и энергию хаоса, преобразуя божественное и природное в человеческое. У тувинцев имеется дифференциация душ по качественным характеристикам: плохая, средняя и хорошая. Якуты сохранили более архаический вариант корпуса символов. Возможно, различия определяются поздним влиянием буддизма на мировоззрение тувинцев, а также влиянием маньчжуро-китайской культуры, что могло повлечь изменения в костюме.

Мы определяем украшения как знаки идентичности самого высокого уровня — обитатель среднего мира (землянин). Они выполняют функцию маркера и оберега каждой из трех душ человека, а также медиатора между сакральным и профанным мирами, триггера в обрядовой коммуникации и указателя социального статуса владельца. В более общем плане украшения выполняют функции инструмента упорядочивания коммуникативных практик в обряде и повседневности, структурирования коллективной памяти, формы самопрезентации, этнической идентификации и дифференциации, потому активно участвуют в процессе сохранения культурного наследия и конструирования этнически маркированной идентичности.

Источники

Большой толковый 2012 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. Т. IX / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012. 630 с.

Георги 1776 — Георги И. Г. Описание всех, в Российском государстве обитающих народов. Ч. II. СПб.: Иждив-м Ив. Глазунова при Имп. акад. наук, 1776. 188 с.

Катанов 2011 — Катанов Н. Ф. Очерки

- Урянхайской земли. Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорской академии наук и Императорского Русского географического общества / подгот. рукописи и коммент. А. К. Кужугет. Кызыл: ТИГИ при правительстве РТ, 2011. 384 с.
- Линденау 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (перв. пол. XVIII в.): ист.-этнограф. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Маак 1994 — *Маак Р. К.* Виллюйский округ. 2-е изд. М.: Яна, 1994. 592 с.
- Материалы по истории 1970 — Материалы по истории Якутии XVII века (Документы ясачного сбора). Ч. 1–3. М.: Наука, 1970. 1269 с.
- Миддендорф 1878 — *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на Север и Восток Сибири: Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Ч. II. Вып. 7. Отд. 6: Коренные жители Сибири. СПб.: Тип. Акад. наук. 1878. 331 с.
- Пекарский 1958 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. 2-е изд. В 3 тт. Т. I. Вып. 1–4. А–К. М.: АН СССР, 1958. 1280 стлб.
- Потанин 1867 — *Потанин Г. Н.* Материалы для истории Сибири. М.: Университетская тип. (Катков и К.), 1867. 324 с.
- Серошевский 1993 — *Серошевский В. Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.
- Тенишев 1968 — *Тенишев Э. Р.* Тувинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968. 468 с.
- Щукин 1844 — *Щукин Н. С.* Поездка в Якутск. СПб.: Тип. Деп-та военных поселений, 1844. 315 с.
- Этимологический словарь 2004 — *Этимологический словарь тувинского языка / сост. Б. И. Татаринцев; отв. ред. Д. А. Монгуш. Т. III: К–Л.* Новосибирск: Наука, 2004. 440 с.
- Этимологический словарь 2018 — *Этимологический словарь тувинского языка / сост. Б. И. Татаринцев; отв. ред. Н. Н. Широбокова. Т. V: С.* Новосибирск: Наука, 2018. 180 с.

Sources

- Georgi J. G. Description of All Peoples Inhabiting the Russian State. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1776. Pt. 2. 188 p. (In Russ.)
- Katanov N. F. Essays on the Uryankhay Land: A Journal of the Travel Undertaken under Instructions from Imperial Academy of Sciences and Imperial Russian Geographical Society. A. Kuzhuget (text prep., comment.). Kyzyl: Tuvan Humanities Research Institute, 2011. 384 p. (In Russ.)
- Lindenaу J. J. Description of Siberian Peoples, Early-to-Mid Eighteenth Century: Materials in the History and Ethnography of Peoples Inhabiting Siberia and Northeast [Russia]. Magadan: Magadan Book Publ., 1983. 176 p. (In Russ.)
- Maack R. K. Vilyuysky District. Second edition. Moscow: Yana, 1994. 592 p. (In Russ.)
- Middendorff A. F. Travels to the North and East of Siberia: Northern and Eastern Siberia in Natural and Historical Perspectives. Pt. 2. Is. 7. Section 6: Native Inhabitants of Siberia. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1878. 331 p. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. Dictionary of the Yakut Language. Second edition. In 3 vols. Vol. 1. Is. 1–4: A–K. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958. 1280 cols. (In Yak. and Russ.)
- Potaniin G. N. Materials for the History of Siberia. Moscow: Katkov & Co., 1867. 324 p. (In Russ.)
- Seroshevsky V. L. Yakuts: An Ethnographic Study. Second edition. Moscow: ROSSPEN, 1993. 736 p. (In Russ.)
- Shchukin N. S. Journey to Yakutsk. St. Petersburg: Department of Military Settlements, 1844. 315 p. (In Russ.)
- Shvetsova T. M. (ed.) Materials in the History of Seventeenth-Century Yakutia: Documents Dealing with Yasak Collections. Moscow: Nauka, 1970. Pts. 1–3. 1269 p. (In Russ.)
- Sleptsov P. A. (ed.) Unabridged Explanatory Dictionary of the Yakut Language. In 15 vols. Vol. 9. Novosibirsk: Nauka, 2012. 630 p. (In Yak. and Russ.)
- Tatarintsev B. I. (comp.) Etymological Dictionary of the Tuvan Language. D. Mongush (ed.). Vol. 3: К–Л. Novosibirsk: Nauka, 2004. 440 p. (In Tuv. and Russ.)
- Tatarintsev B. I. (comp.) Etymological Dictionary of the Tuvan Language. N. Shirobokova. Vol. 5: С. Novosibirsk: Nauka, 2018. 180 p. (In Tuv. and Russ.)
- Tenishev E. R. Tuvan-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 468 p. (In Tuv. and Russ.)

Литература

- Алексеев 2008 — *Алексеев Н. А.* Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 494 с.
- Анохин 1994 — *Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1994. 152 с.
- Байбурун 1989 — *Байбурун А. К.* Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / отв. ред. А. С. Мильников. Л.: Наука, 1989. С. 63–88.
- Байбурун 1993 — *Байбурун А. К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
- Бравина 2005 — *Бравина Р. И.* Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.
- Вайнштейн 1974 — *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.
- Вайнштейн 1991 — *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Гаврильева 1998 — *Гаврильева Р. С.* Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. Новосибирск: Наука, 1998. 144 с.
- Гоголев 1993 — *Гоголев А. И.* Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: ЯГУ, 1993. 200 с.
- Добжанский 1990 — *Добжанский В. Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.
- Дьяконова 1958 — *Дьяконова В. П.* Старинные шейные украшения // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVIII. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 179–186.
- Дьяконова 1960 — *Дьяконова В. П.* Материалы по одежде тувинцев // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1957–1958 гг.: в 3 тт. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 238–266.
- Дьяконова 1975 — *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.
- Дыртык-оол 2014 — *Дыртык-оол А. О.* Тувинские женские украшения в коллекции Национального музея Республики Тыва // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. [S. 1.]. 2014. No. 5.1. Pp. 251–258. DOI: 10.12731/wsd-2014-5.1-251-258
- Зыков 1976 — *Зыков Ф. М.* Ювелирные изделия якутов. Якутск: Кн. изд-во, 1976. 64 с.
- Кенин-Лопсан 1987 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства: конец XIX – начало XX века. Новосибирск: Наука, 1987. 165 с.
- Килуновская, Фролов 2020 — *Килуновская М. Е., Фролов Я. В.* Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // *Вещь в контексте погребального обряда: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 28–30 января 2020 г.)* / отв. ред. С. А. Яценко, Е. В. Куприянова. М.: РГГУ, 2020. С. 126–138.
- Ксенофонтов 1992 — *Ксенофонтов Г. В.* Шаманизм. Избранные труды (Публикации 1928–1929 гг.). Якутск: Север-Юг, 1992. 318 с.
- Кухта, Майны, Монгуш 2017 — *Кухта М. С., Майны Ш. Б., Монгуш Ч. Х.* Культурная семантика этно-дизайна традиционных украшений Тувы // *Успехи современной науки и образования*. 2017. Т. 6. № 4. С. 92–95.
- Лотман 2000 — *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000. 704 с.
- Львова и др. 1989 — *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.
- Майны, Кухта 2019 — *Майны Ш. Б., Кухта М. С.* Тувинский костюм: традиции и современность // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2019. № 36. С. 232–242. DOI: 10.17223/22220836/36/22
- Майны, Кухта 2020 — *Майны Ш. Б., Кухта М. С.* Сакральная семантика тувинского традиционного костюма // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2020. № 40. С. 242–249. DOI: 10.17223/22220836/40/22
- Майны, Сат 2022 — *Майны Ш. Б., Сат О. С.* Технология изготовления женских накожных украшений тувинцев в современных условиях // *Вестник Тувинского государственного университета. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки*. 2022. № 3(96). С. 24–40. DOI: 10.24411/2221-0458-2022-96-24-40
- Михайлова 2006 — *Михайлова Е. А.* Съёмные украшения народов Сибири // *Украшения народов Сибири (Сборник МАЭ. Т. LI)* / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 12–119.
- Никифорова 2010 — *Никифорова С. В.* Симво-

- лика женских украшений: культурные коды традиционной повседневности саха (якутов). СПб.: Астерион, 2010. 220 с.
- Новик 2019 — *Новик Е. С.* Миф и ритуал народов Сибири: Избранные статьи. М.: РГГУ, 2019. 451 с.
- Павлинская 2006 — *Павлинская Л. Р.* Наборные пояса в культурах Сибири // Украшения народов Сибири (Сборник МАЭ. Т. LI) / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 302–341.
- Павлинская 2014 — *Павлинская Л. Р.* Якутский художественный металл в историко-этнографическом аспекте // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история саха: мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Якутск, 24–26 октября 2012 г.) / отв. ред. А. Н. Алексеев; редкол.: Е. Н. Романова, Р. И. Бравина, Н. К. Данилова. Новосибирск: Наука, 2014. С. 212–225.
- Петрова 1999 — *Петрова С. И.* Традиционная одежда и мировоззрение наших предков. Якутск: Бичик, 1999. 80 с.
- Петрова 2006 — *Петрова С. И.* Свадебный наряд якутов: традиции и реконструкция. Новосибирск: Наука, 2006. 104 с.
- Петрова, Заболоцкая 2013 — *Петрова С. И., Заболоцкая З. М.* Народный костюм якутов: историко-этнографическое и искусствоведческое исследование. Новосибирск: Наука, 2013. 208 с.
- Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
- Потапов 1991 — *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.
- Прокопьева, Яковлева 2021 — *Прокопьева А. Н., Яковлева К. М.* История изучения якутских украшений в XIV–XVIII вв. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1290–1303. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1290-1303
- Прокофьева 2011 — *Прокофьева Е. Д.* Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб.: Наука, 2011. 538 с.
- Саввинов 2001 — *Саввинов А. И.* Традиционные металлические украшения якутов: XIX – начало XX века (Историко-этнографическое исследование). Новосибирск: Наука, 2001. 171 с.
- Сиянбиль, Сиянбиль 2000 — *Сиянбиль М. О., Сиянбиль А. А.* Традиционный тувинский костюм (История. Символика). Кызыл: Тип. Госком-та по печати и масс. инф. РТ, 2000. 72 с.
- Слепцов 1989 — *Слепцов П. А.* Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.). Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1989. 159 с.
- Ховалыг 2018 — *Ховалыг Р. Б.* Тувинская традиционная одежда. Новосибирск: Наука, 2018. 336 с.
- Ховалыг 2020 — *Ховалыг Р. Б.* Одежда тувинских женщин конца XIX – начала XX вв. // Ермолаевские чтения: мат-лы IV научно-практ. конф. (г. Кызыл, 22 июня 2020 г.). Кызыл: НМ РТ, 2020. С. 43–50. DOI: 10.24412/2686-9624-2020-43-50
- Ховалыг 2022 — *Ховалыг Р. Б.* Историко-этнографические аспекты тувинской женской наплечной одежды «эдектиг тон» // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1293–1307. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1293-1307
- Чугунов 2016 — *Чугунов К. В.* Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу Евразийских древностей / отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 336–356.

References

- Alekseev N. A. Peoples of Siberia: Ethnography and Folklore. Novosibirsk: Nauka, 2008. 494 p. (In Russ.)
- Anokhin A. V. Materials on Altaian Shamanism. Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 1994. 152 p. (In Russ.)
- Baiburin A. K. Ritual in Traditional Culture: Analyzing Structural Semantics of East Slavic Customs and Rites. St. Petersburg: Nauka, 1993. 240 p. (In Russ.)
- Baiburin A. K. Things and semiotic aspects of their functioning. In: Mylnikov A. S. (ed.) *Ethnographic Research into Semiotic Means of Culture*. Leningrad: Nauka, 1989. Pp. 63–88. (In Russ.)
- Bravina R. I. Concepts of Life and Death in Ethnic Culture: Analyzing Traditions of the Sakha. Novosibirsk: Nauka, 2005. 307 p. (In Russ.)
- Chugunov K. V. Parade belts of Asian nomads from the Scythian era. In: Derevyanko A. P., Molodin V. I. (eds.) *Altai among the Eurasian Antiquities*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 2016. Pp. 336–356. (In Russ.)
- Dobzhansky V. N. Plated Belts of Asian Nomads. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 1990. 164 p. (In Russ.)
- Dyakonova V. P. Materials on Tuvan traditional garments. In: *Comprehensive Archaeological and Ethnographic Expedition to Tuva (1957–1958)*. Proceedings. In 3 vols. Moscow,

- Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. Vol. 1. Pp. 238–266. (In Russ.)
- Dyakonova V. P. Old-time neck adornments. In: *Collected Papers of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1958. Vol. 18. Pp. 179–186. (In Russ.)
- Dyakonova V. P. Tuvan Funeral Rites as a Source in History and Ethnography. Leningrad: Nauka, 1975. 164 p. (In Russ.)
- Dyrtykool A. O. Tuvan women's jewelry in the collection of the National Museum of the Republic of Tuva. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2014. No. 5.1. Pp. 251–258. (In Russ.) DOI: 10.12731/wsd-2014-5.1-251-258
- Gavrilyeva R. S. Garments of the Sakha: Late Seventeenth to Mid-Eighteenth Centuries. Novosibirsk: Nauka, 1998. 144 p. (In Russ.)
- Gogolev A. I. Yakuts: Issues of Ethnic and Cultural Genesis. Yakutsk: Yakutsk State University, 1993. 200 p. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B. Ritual Practices and Folklore of Tuvan Shamans: Late Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Novosibirsk: Nauka, 1987. 165 p. (In Russ.)
- Khovalyg R. B. Clothing of Tuvan women of the late XIX – early XX centuries. In: *Fourth Yermolaev Readings. Conference proceedings (Kyzyl, 22 June 2020)*. Kyzyl: Aldan Maadyr National Museum of Tuva, 2020. Pp. 43–50. (In Russ.) DOI: 10.24412/2686-9624-2020-43-50
- Khovalyg R. B. Edektig ton: Historical and ethnographic aspects of the Tuvan women's shoulder garment. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1293–1307. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1293-1307
- Khovalyg R. B. Traditional Tuvan Garments. Novosibirsk: Nauka, 2018. 336 p. (In Russ.)
- Kilunovskaya M. E. Frolov Ya. V. Comparative analysis of the belt details of Scythian time from Barnaul Ob' basin and Tuva. In: *Yatsenko S. A., Kupriyanova E. V. (eds.) Artifact in the Context of Funeral Rites. Conference proceedings (Moscow, 28–30 January 2020)*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2020. Pp. 126–138. (In Russ.)
- Ksenofontov G. V. Shamanism: Selected Works (Publications of 1928–1929). Yakutsk: Sever-Yug, 1992. 318 p. (In Russ.)
- Kukhta M. S., Mainy Sh. B., Mongush Ch. Kh. Traditional adornments of Tuva: Cultural semantics of ethnic design. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2017. Vol. 6. No. 4. Pp. 92–95. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 p. (In Russ.)
- Lvova E. L., Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. Traditional Worldviews of South Siberian Turks: Man and Society. Novosibirsk: Nauka, 1989. 243 p. (In Russ.)
- Mainy Sh. B., Kukhta M. S. Sacred semantics of Tuvan traditional costume. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2020. No. 40. Pp. 242–249. (In Russ.) DOI: 10.17223/22220836/40/22
- Mainy Sh. B., Kukhta M. S. Tuva costume: Traditions and modernity. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2019. No. 36. Pp. 232–242. (In Russ.) DOI: 10.17223/22220836/36/22
- Mainy Sh. B., Sat O. S. Technology of manufacturing of women's jewelry of Tuvans in modern conditions. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 1. Social Sciences and Humanities*. 2022. No. 3(96). Pp. 24–40. (In Russ.) DOI: 10.24411/2221-0458-2022-96-24-40
- Mikhaylova E. A. Removable adornments of Siberian peoples. In: *Pavlinkskaya L. R. (ed.) Adornments of Siberian Peoples (Collected Papers of MAE 51)*. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2006. Pp. 12–119. (In Russ.)
- Nikiforova S. V. Symbolism of Women's Adornments: Cultural Codes in Traditional Everyday Life of the Sakha. St. Petersburg: Asterion, 2010. 220 p. (In Russ.)
- Novik E. S. *Myth and Ritual of Native Siberians: Selected Articles*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2019. 451 p. (In Russ.)
- Pavlinkskaya L. R. Plated belts in Siberian cultures. In: *Pavlinkskaya L. R. (ed.) Adornments of Siberian Peoples (Collected Papers of MAE 51)*. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2006. Pp. 302–341. (In Russ.)
- Pavlinkskaya L. R. Yakut metal craft: A perspective from history and ethnography. In: *Alekseev A. N. et al. (eds.) Horsemen of North Asia and Birth of Ethnos: Ethnogenesis and Ethnic History of the Sakha. Conference proceedings (Yakutsk, 24–26 October 2012)*. Novosibirsk: Nauka, 2014. Pp. 212–225. (In Russ.)
- Petrova S. I. Traditional Garments and Worldviews of Our Ancestors. Yakutsk: Bichik, 1999. 80 p. (In Russ.)
- Petrova S. I. Yakut Wedding Rites: Tradition and Reconstruction. Novosibirsk: Nauka, 2006. 104 p. (In Russ.)

- Petrova S. I., Zabolotskaya Z. M. Yakut Folk Costume: A Study in History, Ethnography and Art Criticism. Novosibirsk: Nauka, 2013. 208 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. Altaian Shamanism. Leningrad: Nauka, 1991. 321 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. Traditional Everyday Life in Tuva: Essays. Moscow: Nauka, 1969. 402 p. (In Russ.)
- Prokofyeva E. D. Tuvan Ethnic Consolidation. St. Petersburg: Nauka, 2011. 538 p. (In Russ.)
- Prokopieva A. N., Yakovleva K. M. 14th–18th century Sakha jewelry: History of research reviewed. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1290–1303. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1290-1303
- Savvinov A. I. Traditional Yakut Metal Adornments, Nineteenth to Early Twentieth Centuries: A Study in History and Ethnography. Novosibirsk: Nauka, 2001. 171 p. (In Russ.)
- Siyanbil M. O., Siyanbil A. A. Traditional Tuvan Costume: History and Symbolism. Kyzyl: Tyva Committee for Mass Media and Publishing, 2000. 72 p. (In Russ.)
- Sleptsov P. A. Traditional Yakut Family and Rites: Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1989. 159 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. The World of Nomads in the Center of Asia. Moscow: Nauka, 1991. 296 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. Tuva: A History of Folk Art. Moscow: Nauka, 1974. 224 p. (In Russ.)
- Zykov F. M. Yakut Jewelry. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1976. 64 p. (In Russ.)

